

ризм», «террористический акт», «террористическая группа». За двадцать лет было принято тринадцать универсальных конвенций, касающихся различных аспектов данного явления, однако каждая из них предлагает свои формы взаимодействия и сотрудничества государств в борьбе с террористическими актами. Частично данный вопрос регламентируется в региональных многосторонних соглашениях, в том числе разработанных в рамках Содружества Независимых Государств (в частности, Договор о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом 1999 г.).

Кроме того, международно-правовое сотрудничество государств в борьбе с терроризмом не затрагивает аспектов судебного преследования и наказания за совершение террористических актов. В то время как одни государства могут передать лиц, подозреваемых в совершении террористических атак, другим государствам на основании двусторонних договоров об экстрадиции, другие используют исключительно национальное законодательство для осуществления правосудия, третьи государства создают собственные правовые нормы (пример последнему — тюрьма в Гуантанамо). Не способствует определению единого подхода и отсутствие возможностей наказания за терроризм в рамках системы международной уголовной юстиции.

Безусловно, все эти вопросы только усложняют механизмы сотрудничества государств и заставляют регулярно находить новые пути координации и поиска компромиссов. Одной из наиболее очевидных форм взаимодействия может стать единый международно-правовой документ, который бы закреплял различные методы сотрудничества в борьбе с терроризмом.

ОТ СУДА ЕВРАЗЭС К СУДУ ЕАЭС: НЕПРАВОВЫЕ ПРИЧИНЫ ПРАВОВОГО РЕГРЕССА

Дейкало Е. А., Белорусский государственный университет

Суд ЕврАзЭС, действующий с 2001 по 2014 гг. как судебный орган Евразийского экономического сообщества, его полномочия и компетенция, порядок организации и функционирования были достаточно «продвинутыми», по крайней мере, соответствующими как сути региональной экономической интеграции, так и мировым тенденциям развития международного регионального правосудия. Ни для кого не секрет, что в большой степени Суд ЕврАзЭС формировался «по образу и подобию» Суда ЕС (как собственно и сама евразийская интеграция во многом ориентировалась на интеграцию в рамках Европейского союза).

Вместе с тем, с переходом евразийской интеграции на более высокую ступень (создание Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС)) и с «превращением» Суда ЕврАзЭС в Суд ЕАЭС произошли существенные изменения в учредительных документах суда (уже Суда ЕАЭС), которые не только изменили компетенцию и порядок функционирования Суда (в регрессивном ключе), но и проиллюстрировали значительный отход от мировых тенденций развития международного правосудия.

Выделим самые основные и показательные из них.

1. *Упразднение преюдициальной процедуры.* Не вдаваясь в рассуждения о том, насколько велика роль преюдициальной процедуры в компетенции суда интеграционного образования, которое стремится к созданию собственной системы права, а, главное, единообразному применению такого права в государствах-членах, отметим лишь, что упразднение преюдициальной процедуры однозначно отбрасывает эту интеграцию на несколько шагов назад.

2. *Изменение в порядке прекращения полномочий судей.* Пункт 13 Статута Суда ЕАЭС закрепляет, что с инициативой о прекращении полномочий судьи могут выступать государство-член, представившее судью (курсив наш. — *Е. Д.*), Суд или сам судья. В Статуте Суда ЕврАзЭС такое положение отсутствовало. Особо подчеркнем, что ни в одном функционирующем сегодня международном суде такого механизма нет. В вопросы прекращения полномочий судей не может вмешиваться государство-член. Все вопросы, связанные с прекращением полномочий судей решаются исключительно самими судьями.

3. *Упразднение толковательной функции Суда и превращение ее в «разъяснительную».* Жонглирование терминами «толкование» и «разъяснение» в новом Статуте приводит к непониманию того, отождествляет ли их Статут (что несостоятельно с точки зрения теории и практики международного права), либо, все же понимает их как разные, отдельно существующие категории (что также несостоятельно с правовой точки зрения). При этом, неоспорим тот факт, что упразднение толковательной функции Суда в классическом смысле, во-первых, препятствует реализации цели создания Суда (как она определена в статье 2 Статута), во-вторых, в принципе — развитию собственной правовой системы, к чему стремится ЕАЭС.

Можно комментировать эти изменения, пытаясь оценить их с правовой точки зрения. Вместе с тем, более конструктивно и продуктивно выявить истинные причины такого регресса (а, следовательно, и прогнозы развития процессов евразийской интеграции), которые лежат, на наш взгляд, не в правовой плоскости.

Международные региональные суды — яркий пример того, как особенно влияет конкретный контекст создания и существования этих институций на эффективность их функционирования. Наличие особых связей (исторических, культурных, этнических), общих традиций, в том числе и правовых, политических, характерных для государств конкретного региона не может не влиять на «правовые продукты», созданные соглашением их воли (как с точки зрения содержания, так и с точки зрения жизнедеятельности таких «продуктов»).

Что есть социокультурный контекст региона евразийской интеграции в контексте обсуждаемой проблемы: центр тяжести на интересах государства, а не отдельной личности, достаточно высокая степень правового нигилизма и девальвации права, неверное понимание роли суда как институции (отсутствие надлежащим образом функционирующего разделения властей и непринятие суда как естественного и эффективного способа разрешения конфликта).

Отход от общепринятых в мировой практике традиций международного судебного правосудия, замена существующих более ста лет в международном праве и международной судебной практике правовых институтов и терминологии на вновь «изобретенную» — характеристика всех трех указанных изменений, которые являются «продуктами» устоявшихся традиций правового нигилизма

в постсоветском обществе, когда «неудобную» норму права изменяют под свое поведение, а не свое поведение встраивают в существующую правовую конструкцию, потому что «закон есть закон».

Исходя из центрирования на интересах государства, а не отдельной личности, у евразийской интеграции совсем другие целевые установки, нежели чем у наиболее успешной модели региональной интеграции — Европейского союза и Суда ЕС, на который в какой-то мере продолжает ориентироваться в своем развитии и Суд ЕАЭС. Тут следует подчеркнуть, что ЕС и Суд ЕС созданы и функционируют совершенно в другом социокультурном контексте, основные черты которого можно обозначить с точностью до наоборот, если сравнивать с означенными выше чертами социокультурного контекста евразийского региона.

Поэтому, независимо от решения технических проблем юридического характера, фактор региональной обусловленности играет достаточно весомую роль при попытке экстраполяции модели европейской интеграции на евразийский регион.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЗАИМНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ В РАМКАХ СОВЕТА ЕВРОПЫ

Емельянович О. В., Белорусский государственный университет

Взаимодействие правоохранительных органов различных государств в борьбе с торговлей людьми невозможно без оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам. К сожалению, на практике довольно часто возникают существенные трудности при исполнении просьб о правовой помощи. Основная проблема заключается в отсутствии международного договора об оказании правовой помощи между конкретными государствами. Другая проблема состоит в длительных сроках передачи запросов и низком качестве составления запросов, что влечет задержку получения точной информации. Кроме того, как справедливо отмечает К. Томсон, существуют «языковые проблемы, включающие неточно переведенные документы».

Следует отметить, что для международных соглашений Совета Европы по борьбе с торговлей людьми и смежными преступлениями характерно наличие некоторых процессуальных норм по уголовному преследованию и судебному разбирательству: Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми № 197 2005 года (глава V), Конвенция Совета Европы о защите детей от эксплуатации и надругательств сексуального характера № 201 2007 года (глава VII) и др.

Между тем продолжает представлять интерес **Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам № 30 от 20 апреля 1959 г. (далее — Конвенция СЕ № 30 1959 г.)**. Указанная Конвенция представляет существенный интерес для сотрудников правоохранительных органов. Являясь юридическим основанием для оказания правовой помощи, Конвенция СЕ № 30 1959 г.:

1) обязывает участников оказывать на взаимной основе самую широкую правовую помощь, направленную на собирание доказательств, получение пока-